

Igralka Love

Я И МОЙ ПУТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Igralka Love
Я и мой путь

«Автор»

2026

Love I.

Я и мой путь / I. Love — «Автор», 2026

Действие происходит в — мире, где демоны, люди и прочие расы давно притёрлись друг к другу в быту, и где стриминг стал такой же обычной профессией, как торговля зельями или артефактами. Главный конфликт — не внешний, а внутренний: героиня хочет найти своё дело, которое будет по-настоящему её, а не просто очередным брошенным увлечением. Дополнительный конфликт — публичность: стримить значит открыться перед зрителями, а демону с характером это даётся непросто.

Igralka Love

Я и мой путь

Глава 1

Осень во двор пришла без предупреждения — раз, и уже листья лежат мокрой кашей под подъездом, и с неба не поймёшь, то ли дождь, то ли просто сыро всё вокруг. Я стою на балконе в Никитиной толстовке — своей не нашла, куда-то заползла — и смотрю, как фонарь внизу пытается осветить вот этот вот маленький кусочек асфальта и в целом справляется. Почти.

Сигарета зажглась не сразу. Ветер, зараза. Пришлось отвернуться, прикрыть огонёк ладонью — привычный ритуал, я его уже на автомате делаю, даже не думаю. Просто выхожу, закуриваю, смотрю вниз.

Внизу ничего особенного. Мужик выгуливает таксу, такса делает вид, что очень занята нюханьем бордюра. Две девчонки прошли с пакетами — наверное, из магазина. Кто-то хлопнул дверью машины, уехал. Обычный двор, обычный вечер, ничего не происходит.

Хорошо так, в общем-то.

Я затянулась, выдохнула — дым смешался с паром дыхания, и вместе они растворились в темноте быстрее, чем я успела за ними понаблюдать. В квартире тихо, только компьютер у Никиты что-то бормочет — он включает его фоном, когда работает, говорит, что так лучше думается. Я так не умею, мне надо или тишина, или музыка, но не голоса. Голоса меня отвлекают.

С работой нормально. Вообще-то даже хорошо — заказов хватает, деньги приходят в срок, без нервотрёпки. Никита рядом, уже восемь лет рядом, и это само по себе какое-то чудо, потому что я умею выматывать людей, это мой настоящий талант. Ланс вон торчит носом в стеклянную дверь балкона — вижу его силуэт, тёмное пятно с ушами — он явно думает, что я зачем-то ушла без него и это несправедливо. Сейчас дышит на стекло, запотеваает стекло.

Всё есть. Всё нормально.

И вот именно это «нормально» последнее время как-то не очень ложится.

Я смотрю на соседнее окно через двор — там горит свет, синеватый такой, мониторный. Кто-то сидит за компом. Играет, наверное, или смотрит что-то. Я сама так провела последние несколько вечеров — сидела, открывала браузер, шла на «Спектр Миров» и просто... смотрела. Как другие стримят.

Это не то чтобы плохо. Некоторые стримеры реально классные, и чат живой, и всё такое. Но на третий вечер подряд я поймала себя на том, что сижу и думаю не «как интересно», а «хм». Просто «хм». Закрыла ноутбук, и пошла на кухню пить чай, которого не хотела.

Зудит что-то. Вот это слово — зудит. Не болит, не мешает, просто где-то под рёбрами есть такое ощущение, что я что-то не делаю. Что-то, что должна делать или хочу делать — я даже не знаю точно, что именно. Просто зудит.

Я стряхнула пепел вниз, в темноту, проследила взглядом — долетел ли, но конечно, не видно. Ланс за стеклом шевельнулся, сменил позу, снова уставился на меня. У него такая морда, что сразу понятно: он лично обижен. Не вообще обижен, а конкретно на меня, конкретно сейчас.

Рога у меня от холода немного чешутся — это всегда так осенью, я уже привыкла. Потёрла один о открытую оконную створку, полегчало.

На «Спектре» вчера смотрела одного — играл во что-то шумное, орал, чат орал в ответ, и всё это было очень... общим. Они там все вместе что-то переживали. Даже завидно немного

стало, я не буду врать. Не ему завидно, не просмотрю, а вот этому — что есть место, которое твоё. Куда люди приходят именно к тебе. Не потому что надо, а потому что хотят.

У меня нет такого места.

Сигарета догорала. Я смотрела на огонёк — он уменьшался, и огонь уже обжигал пальце через фильтр, это такой знак, что пора заканчивать.

А потом — не знаю почему, честно, может просто так совпало, или я уже давно к этому шла и просто не замечала — я вдруг подумала: а чего, собственно, нет-то?

Не громко подумала. Почти себе под нос. Даже не уверена сначала была, что вслух сказала или просто внутри. Но сказала.

— Хочу попробовать стримить.

Звук ушёл в холодный воздух и растворился там вместе с последним дымом. Таксу внизу уже увели. Фонарь моргнул и продолжил светить на свой кусочек асфальта.

Ланс за стеклом шевельнул ухом.

* * *

Дверь на балкон скрипнула, и я даже не успела обернуться — Ланс уже ткнулся мне мордой прямо в колено, едва не сбив с ног.

— Эй, эй, тихо! — я поймала его голову обеими руками, не давая смести пепельницу с тумбы. — Ты чего влетаешь так резко, паразит?

Он, конечно, никакого ответа не дал. Просто завилял хвостом так, что вся задняя часть туловища ходила ходуном, и уставился на меня снизу вверх таким взглядом, что ни один человек на свете не смог бы устоять. Ланс умел это. Видимо, специально тренировался.

Я машинально почесала его за ухом. Пальцы сами нашли то место, от которого он всегда зажмуривался и начинал делать вид, что никакого удовольствия не испытывает, — только сам же придвигался ближе, навалившись всем весом на мою ногу.

Шерсть у него была мягкая и тёплая, совсем не как осенний воздух, который уже нормально так кусался. Я села в кресло и продолжила чесала его за ухом, и сигарету кинула в пепельницу другой рукой, и я почему-то вдруг уставилась на него очень внимательно.

Вот кто ни разу в жизни не парился ни о чём таком.

Ланс хотел гулять — и шёл к поводку, садился рядом и смотрел, пока не возьмут. Ланс хотел есть — орал до тех пор, пока миска не наполнялась. Ланс хотел, чтобы его почесали, — приходил и тыкался мордой, как сейчас. Никакого «а вдруг не получится», никакого «а что люди скажут», никакого «ну ты вообще уверена, что оно тебе надо». Захотел — пошёл. Простая система.

Я бы тоже так хотела.

— Ты счастливый, — сказала я ему вслух. — Ты вообще не в курсе, что такое сидеть и думать, чего ты хочешь.

Ланс на это дело лизнул меня в запястье и требовательно ткнулся ещё раз — чеши, мол, не останавливайся.

— Да-да, поняла тебя.

Я смотрела на него и думала, что вот так надо. Вот это — правильный подход. Не «сначала разберись в себе, потом действуй», а просто — захотел, и пошёл. Ланс никогда не ждал, пока звёзды сойдутся в правильное созвездие. Он просто шёл и орал, пока не получал своё.

Может, это и есть вся мудрость.

Потом он что-то увидел.

Я даже не сразу поняла что — просто его уши встали торчком, голова дёрнулась в сторону соседней крыши, и через секунду он уже лаял. Громко, с чувством, с абсолютной уверенностью, что делает что-то очень важное и правильное. Голубь — не голубь, кот — не кот, какая-то тень, случайный шорох — Ланс не разбирался. Главное, что там что-то было, и это что-то надо было немедленно оповестить об ошибке своего существования.

Я засмеялась.

Прямо вот неожиданно для себя — просто засмеялась, потому что он орал с таким видом, будто от этого зависит судьба вселенной. Стоял, упёршись лапами в в стену балкона, и самозабвенно облаивал осень.

— Ланс. — Я повернула его морду к себе. — Ланс, перестань.

Он бросил — примерно через десять секунд, когда сам решил, что враг повержен. Посмотрел на меня с видом победителя и снова завилял хвостом, явно ожидая похвалы.

— Защитник ты мой, — сказала я. — Настоящий рыцарь.

Он был доволен. Напряжение — то самое, которое весь вечер сидело где-то под рёбрами и не давало нормально дышать — немного отпустило. Не исчезло совсем, но стало как-то легче. Как будто Ланс случайно сбил давление на пару делений, просто потому что явился и заорал в темноту.

Я посмотрела на пепельницу: сигарета там догорела до фильтра, пока я удобно сидела в кресле и занималась всей этой философией с собакой. Бросив последний взгляд за окно, я развернулась в сторону двери.

Всё.

Хватит стоять тут и думать. Надо просто — как Ланс. Пришёл, сказал. Не придумав сначала идеальный план, не взвесил все за и против, не проговорил в голове все возможные варианты развития событий. Просто — вот я, вот что я хочу.

— Я хочу стримить.

Это смешно, наверное. Это дурацкая идея, наверное. И, может быть, даже ничего не выйдет — наверное. Но вот оно, желание, живое и тёплое, как собачья морда в ладони, и я устала от него прятаться.

— Ладно, — сказала я вслух, ни к кому конкретно не обращаясь. Ланс глянул на меня. — Пошли.

Я открыла балконную дверь и шагнула внутрь. Ланс следом за мной вбежал и сразу рванул в спальню к стулу у моего компьютера.

* * *

Ланс ворвался обратно в квартиру раньше меня — боком протиснулся через дверь балкона и сразу понёсся в спальню, цокая когтями по паркету. Я зашла следом, прикрыла дверь. Осенний холод остался снаружи.

В комнате было тепло. Лампа над столом Никиты давала тот самый жёлтый свет, который я не замечаю, пока не вернёшься с холода, — и тогда он сразу становится заметным, почти плотным. Никита сидел за компьютером в своей обычной позе: чуть ссутулившись, одна рука на мыши, на экране что-то скроллилось. Ланс уже добежал до своей лежанки у батареи и крутился на ней, устраиваясь. Всё как всегда. Осенний вечер, лампа, тихое жужжание вентилятора системника.

Я стащила тапки у порога, поставила их криво и не стала выравнивать.

Прошла мимо Никиты к холодильнику, достала воду, отпила прямо из бутылки. Поставила обратно. Закрыла дверцу — магнит в виде смешного краба клацнул. Потом встала у кухонного стола, оперлась об него и уставилась в потолок.

Мысль была простая. Нормальная. Я крутила её в голове все время, пока курила, и она не казалась глупой. Снаружи.

Теперь, когда тепло и лампа и Никита в двух метрах, она казалась немного другой.

— Слушай, — сказала я в потолок, — я думаю попробовать стримить.

Произнесла это ровно так, как говорят про покупку нового чайника или запись к врачу. Между делом. Не глядя на него.

Пауза.

Я слышала, как Никита перестал скроллить. Не сразу — секунды через две. Потом шелчок: мышь легла на стол.

Я всё равно смотрела в потолок. Там было пятно от неудачно прихлопнутого комара — темнее общего фона, почти черное и бросалось в глаза. Я его знала наизусть.

— Стримить? — переспросил он.

Не с той интонацией, с которой переспрашивают, когда не расслышали. С той, с которой переспрашивают, когда расслышали хорошо и хотят убедиться, что правильно поняли.

— Ну да.

Я наконец опустила взгляд. Никита повернулся на кресле и посмотрел на меня — спокойно, без той лёгкой усмешки, которую я ожидала. Он просто смотрел. Без иронии, без «окей, и что дальше», без «ну-ну».

Это было, если честно, хуже иронии. Ирония — это когда тебя не воспринимают всерьёз, и тогда не надо ничего объяснять. Можно отмахнуться, засмеяться, сказать «да ладно, шучу». А тут он смотрел серьёзно, и это значило, что придётся отвечать по-настоящему.

Ланс заурчал с лежанки — не лай, просто звук, который он издаёт, когда устраивается окончательно.

— Что именно хочешь стримить? — спросил Никита.

Вот и всё. Четыре слова. Простой вопрос, нормальный вопрос, единственный логичный вопрос, который вообще можно задать в ответ на «хочу стримить».

Я открыла рот.

И закрыла.

Потому что ответа не было.

Нет, я не то чтобы совсем не думала. Я думала про стримы. Про то, как это бывает: человек сидит, играет, говорит что-то в микрофон, чат пишет всякое. Я думала про то, что хочу что-то своё. Что устала от чужих идей и чужих проектов, которые не становятся твоими, сколько в них ни вкладывайся. Я думала про балкон, сигарету, и про то, что вот это — вот прямо это — хочу попробовать.

Про игру — не думала. Ни секунды.

— Ну, — сказала я.

Никита ждал. Не торопил, не помогал — просто ждал.

— Ну, игры. Наверное.

— И какие?

Это уже был другой вопрос. Хуже.

Я отлипла от стола, прошла к дивану и плюхнулась на него боком, подтянув колени. Ланс приоткрыл один глаз, оценил обстановку и снова закрыл.

— Я не знаю, — сказала я. Честно. — Я не... в общем, я не думала вот прямо до этого.

Никита кивнул. Без комментариев.

Это было, наверное, самое неудобное «я не знаю» в моей жизни. Потому что когда говоришь «хочу стримить» — это звучит как план. Как будто ты что-то обдумала. Как будто пришла с готовым ответом, просто ещё не озвучила.

А на самом деле я дошла только до слова «стримить», и дальше была просто темнота. Пустое место. Не страшное, не тревожное — просто пустое. Как документ, в котором написан заголовок, и больше ничего.

За окном проехала машина, мазнула светом по стене.

— Понял, — сказал Никита и снова взялся за мышь. Не чтобы прекратить разговор — я знала, как он прекращает разговоры, это выглядит иначе. Просто потому что ответ был получен, и он его принял.

Я сидела на диване и смотрела на лампу.

Вопрос был задан. Теперь он был и моим тоже.

* * *

— Ну, не знаю, — говорю я. — Что-нибудь.

Это звучит так себе, я понимаю. Даже не звучит — расплзается, как мокрая бумажная салфетка. «Что-нибудь». Гениально. Восемь лет жить с человеком, который хорошо умеет слушать, — и вот итог: «что-нибудь».

Никита ждёт. Он умеет ждать, это его суперсила и иногда его главная подлость, потому что молчание у него никогда не давящее, а такое... просторное. Залезай, мол, разбирайся. Я в нём разбираюсь.

— Может, игры, — говорю я.

Он кивает. Не «о, отлично, игры, давай», не «ну и в какие», просто — кивает. Типа, услышал, записал, жду дальше.

— Правда, я не играю. Ну, только если градостроительный симулятор — немного, и то редко. — Это звучит немного оправдательно, и я это слышу, и мне от этого хуже.

— Знаю, — говорит он.

Ну вот. Знает. Конечно, знает: мы живём в одной квартире, он слышит, как я матерюсь в монитор в два часа ночи, когда у меня опять город не функционирует из-за пробок и перенаселения. Это называется «в курсе».

Я смотрю куда-то в сторону подоконника. Там стоит Никитина кружка — давно пустая, с засохшим чаем по доньшку. Надо было убрать ещё в обед. Не убрала.

— Просто хочется что-то своё, — говорю я наконец.

И вот тут что-то происходит. Не снаружи — внутри. Слово «своё» падает куда-то в грудь и остаётся там, тяжёлое и немного горячее. Своё. Именно это. Не «хочу быть стримершей», не «хочу денег», не «хочу аудиторию» — хочу что-то, что будет моим. Где я буду не гостем, не участником, не демоницей, которая зашла в чужую идею потестить.

Но это легче почувствовать, чем объяснить. Тем более вслух. Тем более сейчас, когда за окном уже совсем темно, а я только что докурила и руки немного замёрзли.

— Своё — это понятно, — говорит Никита. Без иронии. Просто констатирует.

— Ну вот. — Я делаю неопределённый жест рукой. — Своё.

Мы молчим. Я думаю о том, что «своё» — это хорошее слово, правильное, но оно как контур без заливки. Рамка. А что внутри — непонятно.

Я пробую накидать внутри своей головы хоть что-то. Ладно, стриминг. Игры — окей, я играю. Буду играть на камеру. Буду... что? Смешно комментировать? Нормально играть? Учить людей? Им есть чему у меня учиться вообще?

И тут приходит то, что я не очень-то люблю вспоминать.

Девять лет назад я купила мольберт, краски и кисти, посмотрела двадцать уроков, нарисовала штук пять кривых набросков — и забросила. Мольберт до сих пор лежит в папином гараже рядом с моими роликами и коньками, которые там ещё дольше — со времён, когда я хотела изучать трюки и фигурное катание

До этого — стихи. Даже не знаю, почему решила, что смогу. Написала три штуки, перечитала через неделю, удалила, потому что было стыдно перед самой собой.

Потом ещё и курсы по дизайну. Два месяца, пять оплаченных занятий — и ни одного проекта в портфолио. Преподаватель был хороший, материал нормальный, но в какой-то момент я перестала открывать ноутбук в отведённое время. А потом стало неловко возвращаться к этому.

Это такой мой фирменный маршрут. Загораюсь — иду — буксую — исчезаю. Как будто у меня внутри встроен выключатель, и кто-то его щёлкает ровно тогда, когда становится чуть сложнее, чем в начале.

— Ты о чём думаешь? — спрашивает Никита.

— О том, что я всё бросаю, — говорю я. Без предисловий. Он и так знает.

Он не говорит «нет, это не так» или «ну зато ты попробовала». Я ему за это благодарна примерно каждый раз, когда он этого не говорит.

— Ага, — говорит он.

Я злюсь. Не на него — это важно. Злюсь на себя, на эту кривую схему в своей голове, которая умеет хотеть и совершенно не умеет держаться. Злюсь на то, что сижу здесь и не могу нормально ответить на простой вопрос — что именно ты хочешь стримить? — потому что любой ответ сразу же оборачивается в большой вопрос: а ты точно доведёшь?

— Блин, — говорю я.

— Да, — соглашается Никита.

— Это обидно. Что я даже сформулировать не могу.

— Почему обидно?

Я смотрю на него. Он уже пересел на диван, положил ноги на журнальный столик и просто смотрит, будто ничего не происходит.

— Потому что я уже взрослый демон, — говорю я. — Мне как будто уже должно быть понятно, чего я хочу. А тут это — «ну, что-нибудь, наверное, может, игры».

Он чуть улыбается. Одним углом рта.

— Взрослый демон, — повторяет он.

— Не смешно.

— Немного смешно.

— Никита.

— Ну, немного же.

Я выдыхаю. Долго, через нос, как будто это помогает. Не особо помогает, если честно. Желание есть — «хочу стримить, хочу что-то своё» — а внутри него темно и пусто, и фонарик я дома забыла, и карты нет.

Но слово «своё» всё ещё там. Никуда не делось. Лежит в груди и не уходит, и это, наверное, что-то значит — что хотя бы оно не расплылось, не испарилось, пока я тут объясняла.

* * *

— Ну, разберёшься, — сказал Никита.

Просто так. Без интонации вопроса, без «ну, когда-нибудь, наверное» — просто факт, как «чайник закипел» или «завтра пятница». Взял кружку, потянулся за пакетиком, всё как обычно.

Я смотрела на него секунд пять, наверное. Или десять. Он не заметил, потому что смотрел на чайник — ждал, пока тот доберётся до нужной температуры, у него там какой-то свой ритуал с температурой воды под разный чай, я давно перестала следить.

Он не смеялся.

Это странно звучит — «он не смеялся», как будто я ждала, что засмеётся. Не ждала. Просто... бывает, знаешь, когда говоришь что-то вслух и сам слышишь, как это звучит по-идиотски? Вот я только что сказала человеку, что хочу стримить. В тридцать с хвостиком, с двумя рогами и крыльями, которые я убираю под куртку в метро, потому что иначе жмут сиденья. Хочу стримить. В интернете. Играть в игры перед камерой.

Никита спросил: «что именно?» — и не стал ждать ответа, которого у меня всё равно не было. Просто налил чай.

Я не знаю, как он это делает. Серьёзно. Это какой-то навык, которому нельзя научиться по tutorialу — не давить, не спрашивать лишнего, не предлагать бросить, когда очевидно, что идея сырая. Он просто... существовал рядом и делал чай.

— Садись, — сказал он, кивнув на табуретку.

Я села. Ланс немедленно это заметил — у него радар на «хозяйка присела и, возможно, будет неподвижна ближайшие десять минут», — вылез из своего угла, покрутился, ткнулся носом мне в колено и устроился у ног. Выдохнул. Закрыл глаза.

Хорошо ему.

За окном осень делала своё дело — мокрые крыши, размытые фонари, где-то внизу кто-то ехал на велосипеде в дождевике, потому что в этом городе всегда найдётся человек, которому всё равно. Я смотрела на это и думала ни о чём конкретном, просто смотрела.

Никита поставил передо мной кружку. Горячую, с ободком, который я когда-то разрисовала маркером — полукруглые рожки, маленький хвост. Смешно и немного стыдно, но он её не выбросил, так и стоит в шкафу рядом с нормальными.

— Спасибо, — сказала я.

— Угу.

Мы помолчали. Ланс во сне дёрнул лапой — наверное, гонял кого-то в своих собачьих снах, что-то очень важное облаивал. Я взяла кружку двумя руками, грела пальцы. Чай был горячий и пах чем-то с бергамотом, терпким, как первый глоток.

Вот так мы и сидели. Город за окном, дождь по стеклу, собака у ног. Жизнь шла, как шла.

И именно поэтому этот вопрос никуда не делся.

Я не знаю, чего ожидала. Что он рассосётся сам, если я помолчу достаточно долго? Такое бывает — говоришь что-то на эмоциях, потом приходит трезвость, и кажется, что само собой сдуется. Стримить. Ага. Следующая остановка — профессиональный космонавт.

Но не сдувалось.

«Что именно?»

Простой вопрос. Честный. Никита не вложил в него ничего лишнего — ни иронии, ни скептицизма, ни того осторожного тона, каким люди спрашивают о вещах, которые считают плохой идеей. Просто спросил. И именно поэтому я не могла от него отмахнуться, потому что когда человек относится к твоей дурацкой идее серьёзнее, чем ты сама, — это неудобно. Это значит, что теперь надо отвечать.

Что именно?

Я не знала. Правда, не знала — ни игру, ни формат, ни то, зачем мне вообще это, кроме смутного ощущения «хочу что-то своё». Своё — это не профессия, не план, не бизнес-модель. Это просто... что-то, где я буду не потому что надо, а потому что выбрала.

Я смотрела в кружку. Запах чая с бергамотом поднимался вверх

Обычно я от таких вопросов убегаю. Не буквально — я не встаю и не ухожу в другую комнату, хотя иногда хочется. Просто нахожу способ не додумывать до конца. Переключаюсь. Говорю себе «потом». Потом превращается в никогда, никогда — в ещё одну вещь, которую я начала и не закончила, и это становится частью общей картины: вот демонёнок, у которого много идей и ноль завершённых.

Но сейчас было странно.

Сейчас мне не хотелось переключаться.

Может, потому что Никита сказал «разберёшься» — не «бросишь» и не «ты всегда так». Просто «разберёшься», как будто это дело решённое и вопрос только в деталях. Может, потому что Ланс лежал у ног и дышал тепло, и было это всё такое обычное, такое конкретное — кружка, дождь, собака, — что вопрос на этом фоне тоже стал конкретным. Не пугающим. Просто... висящим.

Я не знала ответа.

Но впервые за долгое время мне не хотелось от него убежать.